

— Благодарю вас, господин городской начальник, за вашу доброту. Когда Северная Пустошь будет успокоена, я вернусь, чтобы отплатить вам за вашу заботу.

Возможно, это будет прощание навсегда.

Се Хуань рассмеялся, не придав этому значения.

Часто бывая в резиденции городского начальника, Цзян Цзинсин теперь знал её лучше, чем свой собственный дом, который покинул несколько десятков лет назад.

Как, например, в этот момент.

Он без труда нашёл двор Се Хуаня и с горечью бросил на его стол зелёный с золотыми брызгами свиток.

— Ты действительно не собираешься разобраться с Се Тинбаем? В твоей собственной резиденции пионов всего несколько жалких кустов, а он уже разослал приглашения на пионовый фестиваль!

Цзян Цзинсин даже не успел расположиться в специально отведённой для него комнате, как слуга уже подал ему приглашение.

Открыв его, он увидел, что это приглашение от Се Хуаня, разосланное всем знатным семьям южных земель, с приглашением незамужних девушек на пионовый фестиваль.

Се Хуань только что был занят тем, что подкапывал почву под Се Жунхуа, откуда у него нашлось время писать приглашения?

Не было сомнений, что это дело рук Се Тинбая, действовавшего от имени Се Хуаня.

Будучи давним другом, Цзян Цзинсин решил, что не стоит оставлять Се Хуаня одного в его негодование, и потому пришёл к нему во двор, чтобы начать разговор, ожидая, что они вместе обрушатся на Се Тинбая с гневными словами.

— Он мой дядя, и он на этапе Небесного человека. Мой отец ушёл рано, и он управлял городом Фэнлин долгое время. Его влияние слишком велико, как я могу с ним справиться?

Се Хуань поднял веки:

— Намерения Се Тинбая очевидны. Се Хуа можно убить, но пока не настал подходящий возраст для женитьбы и не устроена свадьба, чтобы продолжить главную линию рода, он не будет считаться с делом Се Хуа.

Се Хуань сам не смог удержаться от комментария:

— Иногда я не понимаю, что у него в голове. Ты говоришь, что он жаждет власти? Когда я был молод, у него было множество возможностей убить меня. Се Хуа был разоблачён Цы, и он просто от него отказался. Ничто не важнее главной линии рода. Но ведь он сам не из главной линии!

Цзян Цзинсин язвительно заметил:

— Что тут непонятного? Просто духи из твоего родового храма вышли, чтобы сеять хаос в мире.

Его давний друг не уловил его намёка и продолжил ругать Се Тинбая, что сильно разочаровало Цзян Цзинсина в их дружеской гармонии.

К счастью, Се Хуань не понял его намёка, иначе он бы стал трясти его, спрашивая, не имеет ли он неправильного представления о дружеской гармонии.

Се Хуань посмотрел на него:

— Мне кажется, сегодня ты особенно раздражён.

— Не могу понять, чем дядя мог тебя задеть. Он спокойно разослал приглашения, а должен был бы лежать в постели, восстанавливаясь.

Цзян Цзинсин неохотно признал:

— Ты не будешь раздражён, если тщательно выращенную капусту кто-то сорвёт?

Он вздохнул:

— Если бы он действительно считал, что эта капуста красива, и хотел бы бережно за ней ухаживать, это было бы одно дело. Но он явно видит в ней только выгоду и хочет использовать её как разменную монету, чтобы получить больше. Разве это не противно? Ведь у тебя только одна такая капуста.

Се Хуань не задумываясь выпалил:

— Нет, не знаю.

— У семьи Се тысячи гектаров плодородных земель и бесчисленные владения. Как это может быть только одна капуста?

Цзян Цзинсин фыркнул, презирая его развращённую и показную натуру, считая, что она унижает его собственное благородство.

Совершенно забыв, что сам когда-то был богат.

Се Хуань был шокирован его неожиданным презрением к деньгам.

Стоит помнить, что после гибели семьи Цзян Цзян Цзинсин жил так, будто в любой момент может оказаться на грани нищеты, и до сих пор не оправился от этого страха.

Он осторожно поинтересовался:

— Ты недавно столкнулся с чем-то неприятным?

Не может быть.

Мир велик, Девять Областей и Северная Пустошь — где может быть что-то, что способно смутить Цзян Цзинсина?

Разве не видно, что старик Моло с тех пор, как Цзян Цзинсин стал Святым, ушёл в затворничество и больше не появлялся?

Одной из причин было желание достичь Святого этапа, но также, возможно, он хотел избежать

столкновения с мечом Бацзи Цзян Цзинсина.

Если даже Моло так поступил, что уж говорить о других?

— Какие могут быть проблемы? Ничего, в мире нет ничего, что могло бы смутить меня.

После инцидента с Се Тинбаем у Цзян Цзинсина пропало желание пить, и он медленно вертел бокал в руках, вдруг задумчиво произнёс:

— Хотя, пожалуй, есть одна вещь.

Он опустил глаза и улыбнулся:

— Думаю, что Цы уже достиг возраста, чтобы жениться и завести детей, а я всё ещё одинок.

Се Хуань мгновенно избавился от беспокойства и с горечью сказал:

— Брат, это твоя собственная вина, никто не сможет тебе помочь.

Вспомнив, как в их юности, несмотря на холод и жару, девушки Хаоцзина не могли устоять перед Цзян Цзинсином, как он может жаловаться на это?

Многие говорят, что Се Жунцзяо смог войти в круг святых благодаря своему высокому статусу и дружбе его отца с Цзян Цзинсином.

Но это не так.

Цзян Цзинсин всегда считал, что имя Се Жунцзяо было выбрано удачно.

«Сияющий, как луна в облаках».

Он действительно был похож на луну.

Цзян Цзинсин не мог позволить себе не освещать путь своего спутника, как луна, что светит и днём, и ночью.

Он был как странник, который не мог найти свой дом. Странник стремится к дому, но не может вернуться, и потому блуждает по Девяти Областям и Северной Пустоши, не помня, сколько гор он прошёл, сколько рек пересёк.

Но появилась луна.

Для странника луна стала домом, освещая красоту каждого цветка и дерева вокруг, давая ему возможность остановиться и насладиться красотой, обрести глаза, способные различать прекрасное и уродливое, и после этого каждый пройденный холм и гору он запоминал, обретая язык, способный чувствовать вкус сладкого и горького, и после этого каждый вкусный ужин оставался на кончике его языка.

Но луна должна заходить ночью, чтобы вернуться туда, где ей положено быть.

Се Жунцзяо тоже должен жениться и завести детей с той, которую любит.

Возможно, это потому, что человек, спасшийся от утопления, даже после того, как выбрался на берег, будет хранить доску, за которую цеплялся, как святыню, а верующий, получивший

спасение, после преодоления трудностей будет поклоняться Будде три раза в день.

Цзян Цзинсину было немного жаль.

Он не стал думать об этом, быстро свалив причину на Се Тинбая, которого подозревал в том, что он был духом из родового храма семьи Се, и чувствуя, что тот хотел сорвать капусту без всякого уважения, даже задумался о том, как найти повод, чтобы подраться с ним.

В основном, чтобы избить его.

Се Тинбай, конечно, не поскупился отправить приглашение самому Се Жунцзяо.

Се Жунцзяо, держа приглашение, вышел из комнаты и столкнулся с Цзян Цзинсином, который как раз хотел войти.

Луна разлила серебряный свет на плитки пола, а среди пышной зелени светильники излучали тёплый жёлтый свет, слегка колыхаясь на прохладном вечернем ветру, создавая узоры из теней ветвей, освещая изумрудные листья и цветы с множеством лепестков.

В глазах Цзян Цзинсина он, одетый в красное, покрытый лунным светом, был прекрасен, как мечта, ради которой люди готовы остановиться и искать её.

Се Жунцзяо хотел поговорить с Цзян Цзинсином:

— Завтра я потороплю отца разобраться с делом Се Хуа и Лу Бинфэнь, а потом мы переедем в загородный дом, чтобы дождаться возвращения Юю.

Путешествие в Северную Пустошь займёт немало времени, и если Лу Биньвэй долго не вернётся, это повлияет на южную армию, поэтому ему нужно будет передать военные дела.

Цзян Цзинсин, который был немного пьян после выпивки с Се Хуанем, протрезвел:

— А как же пионовый фестиваль?

Се Жунцзяо:

— Пионовый фестиваль — это приглашение людей посмотреть на пионы. Если пионы есть, то всё в порядке. Какое это имеет отношение ко мне?

Лицо Се Тинбая, когда он увидит несколько жалких пионов в резиденции городского начальника, будет поистине замечательным.

Даже представляя это, Цзян Цзинсин не мог сдержать смеха:

— Жаль, что не увижу выражение лица Се Тинбая.

— Дедушка точно разозлится.

Се Жунцзяо серьёзно сказал:

— Поэтому мы сначала поедem на север, а после Северной охоты не будем возвращаться в резиденцию городского начальника как минимум год.

Если бы Лу Биньвэй был здесь, он бы воскликнул, что ученик похож на своего учителя.

Непокорность Цзян Цзинсина была явной, никакие мирские правила и законы не могли его сдержать.

Се Жунцзяо, казалось, не нарушал приличий, был вежлив и сдержан, но только потому, что это было частью его принципов.

Однако принципы — это не правила и законы.

Се Жунцзяо понимал, что его принципы не всегда полны и не всегда верны, поэтому он с радостью путешествовал по великолепным горам и рекам, чтобы проверить себя.

А не принимал чужое распоряжение, спокойно укореняясь в резиденции городского начальника и выпивая с изредка проезжающим Цзян Цзинсином.

Цзян Цзинсин засмеялся, но его смех был совсем не таким, как обычно. Он смеялся от души, обняв Се Жунцзяо.

— Как хорошо, Цы, я рад, что встретил тебя.

Он точно пьян.

Се Жунцзяо подумал с невозмутимым лицом.

Он спешил разобраться с делом Се Хуа и Лу Бинфэнь, и ранним утром уже был в резиденции Се Хуаня. К счастью, эффективность Се Хуаня была не ниже его, и все вопросы были заданы прошлой ночью.

<http://bllate.org/book/16198/1453555>